

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.15

EDN: NYZSXT

ОБ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГАРАНТИЯХ В ТЕКСТЕ

Демьянков Валерий Закиевич¹

¹Институт языкознания РАН,
Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье показывается, что языковые техники выдвижения и обоснования научных истин зависят не только от грамматической и лексической структуры различных национальных языков, но и от культурных традиций, от межличностных отношений исследователей, от иных этических принципов научной коммуникации. Рассматриваются некоторые следствия из существующих в научной литературе определений понятия «эпистемическая гарантия», в частности, уровень таких гарантий и понятие «эпистемического дефолта». Статистика употребления лексических единиц показывает, что в больших корпусах литературных и научных текстов на русском и на нескольких западноевропейских языках лексема со значением «возможность» употребляется заметно чаще, чем «вероятность», а со значением «невероятность» встречаются непропорционально реже.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

язык науки, овеществление знания, эпистемическая гарантия высказывания, эпистемический дефолт, возможность, вероятность

БЛАГОДАРНОСТИ:

Разделы 2 и 3 данного исследования выполнены за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 4, выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00040) в Институте языкознания РАН. Огромное спасибо анонимным рецензентам, их замечания были учтены в окончательной версии статьи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Демьянков В. З. Об эпистемических гарантиях в тексте // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 218–228. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.15. EDN: NYZSXT

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная заметка всего лишь обозначает контуры будущего междисциплинарного исследования, посвящённого гарантиям и верификации истинности и ложности в научных и художественных текстах. Профессиональное и ответственное раскрытие этой проблемы возможно силами представителей нескольких наук, здесь же мы ограничиваемся только некоторыми лингвистическими аспектами.

Речь пойдёт о следствиях из того факта, что формулировки с различными модальностями в текстах (как художественных, так и научных) обладают различным «весом»: «возможность» упоминают чаще, чем «вероятность» в различных языках. До начала же генерального наступления в указанном направлении приходится воздерживаться (как справедливо заметил один из рецензентов данной рукописи) «от выводов-предположений о том, какие же модусы языкового сознания в его взаимодействии с миром реальным и “космосом несвершения” таятся в языковых традициях разных народов». Является ли это временным следствием цивилизационного давления или такова в принципе человеческая природа? Ведь вполне можно себе представить «ментальную культуру», в которой утверждение «газы расширяются» истинно именно потому, что этого требуют жрецы или брахманы.

2. ЗНАНИЕ КАК ВЕЩЬ И КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

Среди техник небуквального употребления речи, используемых в научном языке, особое место занимает реификация (овеществление), когда о чём-либо говорят с помощью тех же языковых единиц и конструкций, что и о зримых и осязаемых «типовых» предметах. Например, когда своё или чужое знание представляют как багаж в камере хранения, а не как ментальное состояние человека, ср.: *У Пети хорошие, добротные, крепкие знания биологии.*

Наиболее фундаментальным «человеческим» типом знания является «опознание» информации (*knowledge recognition*): если я знаю, что нейтрино обладает нулевой массой покоя, то я тем самым признаю за этой информацией статус «моё знание» [1, Р. 3]. А именно, S знает, что p, если и только если одновременно соблюдены четыре условия: (а) p истинно, (б) S принимает, что p, (в) S абсолютно оправданно это делает (“*S is completely justified in accepting that p*”), (г) эта его установка не опирается на какие-либо неверные суждения (“*S is completely justified in accepting p in some way that does not depend on any false statement*”) [1, Р. 18]. Другие виды знания можно подозревать и у животных: знания как вид компетенции (напр., знание того, как достать еду с полки) и знакомство с местностью (знание того, где обычно бывает еда). Из этих трёх видов знания опознание лучше всего овеществляется в речи.

Помимо расхожего представления о знании как о предмете или веществе, которые человек «передаёт», «приобретает» и даже «теряет», или даже когда утрачивается ключ от места хранения, возможен образ знания и как растения, требующего ухода, полива и подкормки. Такое «растение» зависит от состояния почвы: не любой человеческий интеллектуальный климат и не во все времена способствует развитию знаний. Иногда наши науки страдают от засухи или от чрезмерной влаги. От дефицита внимания и полива растения вянут, а избыток токсичных удобрений способен сделать продукт ядовитым и для агрария, и для покупателя. Не забудем и о сорняках – конкурирующих растениях, способных загубить чужие знания на корню, присвоив себе то, что предназначается «целевым» росткам. Масса следствий из этого образа напрашивается: продуктивная метафора – традиционный профессиональный вдохновитель научной теории. Адрес оранжереи, в которой выведено растение, сказывается и на «товарной стоимости» сообщений, содержащих информацию: новости науки из «чужих», зарубежных рук воспринимаются не так же, как из «своих», обладая обратной связью и с логикой, и с «логистикой знаний». В принципе, чем выше «валовой оранжерейный продукт», тем лучше должно быть его финансирование. Но это только в принципе, пока не вмешивается человеческий фактор.

3. ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: «СВОИ» И «НЕ СВОИ» ИСТИНЫ

Образ почвы, на которой произрастают знания, требующие финансового полива и кадрового присмотра, вызывает различные идеи, связанные с гарантиями достоверности, или «эпистемическими гарантиями» (*epistemic warrant*) [2, Р. 809] культивируемого мнения. Прагматично настроенные исследователи и их руководители исходят из того, что гарантии целесообразно давать эпистемически ценным (в рамках конкретной культуры и даже цивилизации) мнениям, но при этом: «Эпистемическая ценность идей устанавливается в рамках конкретной культуры и не всегда совпадает с сиюминутной актуальностью. Приписывание идеи конкретному автору, подача её в виде цитаты, является одним из средств “сертифицирования” предложений как презентации истины или лжи. Это социальное измерение идей позволяет при манипуляции использовать мнения в средствах массовой информации, когда даже заведомо фейковые новости и фейковые “истины” обходят не очень придирчивый “фейс-контроль” со стороны адресата» [3, с. 25].

Об этих же гарантиях оповещают и «эпистемические предисловия» к высказываниям типа *на самом деле, честно говоря* и т. п., особенно частые в обыденной речи и предполагаемые (но не всегда прямо используемые) в научных текстах, где уместнее бывают вводные предложения типа: *как показали исследования, как вытекает из определения* и т. п. И эти предисловия очень действенны. Например: «Учёные из Института химии СПбГУ показали высокую эффективность йодсодержащих органических соединений в

качестве катализаторов. Они также смогли объяснить механизм их действия. [...] Научная статья опубликована в журнале *The Journal of Organic Chemistry* (<https://spbu.ru/news-events/universitet-v-smi/uchenye-dokazali-effektivnost-katalizatorov-na-osnove-yoda>, 25 марта 2022)». В этом тексте указываются типовые гаранты истины: всемирно известный университет, престижный научный журнал... При этих гарантиях рядовой читатель-не-специалист не будет «своими руками» перепроверять высокие показатели научного уровня, ему проще на слово поверить в высокий научный уровень источника информации. Ещё более оправданно такое упрощение, когда мы хотя бы только в лицо знаем исследователей. Так что мы имеем дело с эпистемическими гарантиями не только первого порядка, для собственно информации, но и второго порядка, относящиеся к самой надёжности гарантов.

Эпистемические предисловия разговорного типа *насколько я знаю* и *по-моему* менее категоричны, они сродни прощупыванию с помощью риторического вопроса *Ты меня уважаешь?* Открыто возражать таким суждениям невежливо, немного лучше задать наводящий вопрос: вдруг человек сам поймёт, что где-то оплошал. А в общении гуманитариев иногда лучше и вовсе промолчать, не поправляя собеседника: даже невинный уточняющий вопрос может быть воспринят как проявление подсознательного сомнения в уровне личной компетентности, а не в уровне современных знаний о предмете. Чем большее отношение к человеческой ментальности и к человеческим «интересам» имеет предмет исследования, тем более размытыми бывают границы между первым и вторым уровнями гарантий.

Эпистемическая гарантия второго порядка «подпирает» нашу веру в содержание высказывания не на основе непосредственного знакомства с источником, а из-за того, что нам показывают неизвестно кем сотворённые сертификаты, «верительные грамоты» такого источника.

В кристально честной детсадовской ментальной культуре требуют говорить только то, на что имеются гарантии первого, а не второго порядка, ср. укоризненное: «А не знаете, так и не говорите!» Из этого поучения, вдохновившего когда-то Л. Витгенштейна, выводят: говорящий всегда что-то знает; или ещё проще: если говорит, значит, знает. А если не знает, но говорит, то пусть звёздочкой сомнения помечает свои высказывания. Однако этика научного общения такова, что публикуется только такой текст, за которым кроется информация пусть и не доказанная, но существенная для данной науки. И молчание в ответ на публикацию – не всегда знак согласия с научной истиной, а скорее вежливое несогласие с гарантом. В условиях изоляции различных научных «оранжерей» это молчание является ещё и протестной реакцией на вненаучные обстоятельства, вряд ли способствующей научному прогрессу.

Кроме первого и второго порядков, гарантии могут быть третьего, четвёртого и т. д. порядков. В общем случае, гарантия порядка $n+1$ – это обязательство человека, дающего такую гарантию, не оспаривать гарантию порядка n . Иначе говоря, презумпция неоспоримости гарантии непосредственно предыдущего порядка. Однако, что произойдет, если, устав от когда-то данных собственных гарантий, спорщик вдруг объявит эпистемический дефолт?

Например, обнаружив заблуждение где-нибудь в начале своего «дискурса», т. е. в цепи логических построений, в которой каждое высказывание логически выводится из предыдущих. Предусмотрительный теоретик, предвидя такой конфуз, в рукописи употребляет вводные слова типа *возможно*, *вероятно* и т. п. Или глагольную форму не изъявительного наклонения, а, скажем, сослагательного или «заглазного» (неэвиденциального). Или иной технический языковой приём, с помощью которого элементарная пропозиция начнёт описывать положение дел не в «реальном мире» (обладающем бесспорной эпистемической гарантией от автора), а в «возможном» или «невозможном» мире, в духе семантической теории возможных миров. Итак, актуальный мир – «свой», а возможный мир – «может быть, и свой» или просто «чужой». Тогда «невозможный» мир – мир-отказник, не принимаемый в качестве ни «своего», ни «чужого». Недаром во многих языках добавление слова *якобы*, употребление форм неизъявительного наклонения, оформляющие возможный, но не актуальный мир, используются в «пересказывающих» предложениях, не обязательно дословно цитирующих чужую речь. Во многих языках эти и подобные глагольные формы позволяют со всей ответственностью, но без страха перед дефолтом, рассказать о том, чему говорящий не был непосредственным свидетелем.

Адаптацию мира и знаний о нём, а также их «освоение» («интериоризацию») можно представить, вслед за «тезаурусной концепцией» Валерия и Владимира Луковых (с которыми я много лет дружил), как «этапы социализационного процесса в аспекте формирования тезауруса», которые «соответствуют последовательности: (1) отделение (референция) “чужого” и установление дистанции, приемлемой для отношения к нему; (2) переработка “своего” в тезаурусе вплоть до потери осмысленной референции “своего”» [4]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что каждая единица обладает не только определённым местом в понятийной системе, но и «весом», соответствующим значимости понятия для данной культуры, что сказывается на частоте упоминания и употреблении соответствующих слов в текстах.

4. ВОЗМОЖНОЕ И НЕВЕРОЯТНОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И В НАУКЕ

Выражения типа *возможно(сть)/невозможно(сть)* и *вероятно(сть)/невероятно(сть)* и их производные, хорошо представленные в русском и в западноевропейских языках, позволяют избежать прямых обязательств по верификации суждений. Разница особенно заметна, когда в тексте говорится одновременно о вероятности и возможности, напр.: «*Наполеон обрадовался предложению: его мучила мысль о возможности, вероятности отказа из Петербурга*»¹. Поняв, что человеку значительно меньше подчиняется внеш-

¹ Соловьёв С. М. Император Александр I. Политика – дипломатия. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1877.

ний мир, чем человеческий образ этого мира, о возможности и невозможности говорят, имея в виду физикалистские свойства мира самого по себе, вне гипотез и предположений человека. А вот вероятность и невероятность тесно связаны с эпистемическими гарантиями второго уровня, характеризующая человеческую оценку «правдоподобия» предмета речи, лежащую, кстати, в основе «теории вероятностей», которая предсказывает ход событий с точностью, основанной на человеческой трактовке опыта наблюдений.

Рассмотрим результаты статистического обследования встречаемости основ, обозначающих вероятность, возможность, невероятность и невозможность в многоязычном корпусе непереводаемых текстов на русском и некоторых западноевропейских языках.

В таблице 1 приведены актуализированные данные из [5, с. 11]: уточнена статистика латинского и немецкого корпусов, а также включены данные по художественным (fiction) и по документальным жанрам (нехудожественным, non-fiction), включая научные. В клетках дано абсолютное количество найденных вхождений указанных основ.

Таблица 1

Употребительность основ классов «(не)возможное» и «(не)вероятное» в непереводаемых текстах на русском и некоторых западноевропейских языках

	Латин.	Франц.	Итал.	Испан.	Англ.	Нем.	Русский
Число текстов	1152	5236	1077	702	25452	10066	36507
худож.							
нехудож.	311	3117	823	630	16081	6478	23486
	841	2119	254	72	9371	3588	13021
Возможно	3447	73283	15109	6125	423761	148748	758388
худож.	27	31717	7203	5064	229061	85001	243190
нехудож.	3420	41566	7906	1061	194700	63747	515198
Вероятно	1318	24168	4493	1142	295357	43400	179395
худож.	57	10961	2357	997	147252	26869	79720
нехудож.	1261	13207	2136	145	148105	16531	99675
Невозможно	3339	45848	6413	3220	155991	42237	216306
худож.	71	25516	4021	2834	85166	28473	94140
нехудож.	3268	20332	2392	386	70825	13764	122166
Невероятно	51	619	207	97	11899	3529	55894
худож.	2	292	111	84	5210	2261	35143
нехудож.	49	327	96	7	6689	1268	20751
Итого:	8155	143918	26222	10584	887008	237914	1209983
худож.	157	68486	13692	8985	466689	142524	452193
нехудож.	7998	75432	12530	1599	420319	95390	757790

Кратко прокомментируем соотношения употребительности названных лексем по сравнению с наиболее частотной (для каждого из рассмотренных языков), означающей «возможно».

В русском корпусе художественных текстов основа *возможн-* встречается в 3 раза больше, чем *вероятн-*, в 2,5 раз чаще, чем *невозможн-*, и в 5,5 раз больше, чем *невероятн-*. В документальных же текстах доля основы *воз-*

можн- заметно выше: она встречается в 5 раз больше, чем *вероятн-*, в 4 раза чаще, чем *невозможн-*, и в 25 раз больше, чем *невероятн-*.

Итак, о невероятном в документальных текстах на русском языке пишут непропорционально реже, чем в художественных, для русского документального текста это «особая зона». А в других языках невероятность и в документальных, и в художественных текстах упоминается непропорционально меньше, чем остальные.

Так, в английском корпусе художественных текстов *possible/possibility* «возможный/возможность» встречается в 1,5 раза больше, чем *probable/probability* «вероятный/вероятность», в 2,7 раз чаще, чем *impossible/impossibility* «невозможный/невозможность», и в 81 раз больше, чем *improbable/improbability* «невероятно/невероятность». В документальных текстах *possible/possibility* встречается в 1,3 раза больше, чем *probable/probability*, в 2,7 раза чаще, чем *impossible/impossibility*, и в 29 раз больше, чем *improbable/improbability*.

В немецком корпусе художественных текстов *möglich/Möglichkeit* «возможный/возможность» встречается в 3 раза больше, чем *wahrscheinlich/Wahrscheinlichkeit* «вероятный/вероятность» и чем *unmöglich/Unmöglichkeit* «невозможный/невозможность», и в 38 раз больше, чем *unwahrscheinlich/Unwahrscheinlichkeit* «невероятный/невероятность». В документальных текстах *möglich/Möglichkeit* встречается в 4 раза больше, чем *wahrscheinlich/Wahrscheinlichkeit*, в 4,5 раза чаще, чем *unmöglich/Unmöglichkeit*, и в 50 раз больше, чем *unwahrscheinlich/Unwahrscheinlichkeit*.

Во французском корпусе художественных текстов *possible/possibilité* «возможный/возможность» встречается в 3 раза больше, чем *probable/probabilité* «вероятный/вероятность», в 1,2 раза чаще, чем *impossible/impossibilité* «невозможный/невозможность», и в 109 раз больше, чем *improbable/improbabilité* «невероятный/невероятность». В документальных текстах *possible/possibilité* встречается в 3,2 раза больше, чем *probable/probabilité*, в 1,4 раз чаще, чем *impossible/impossibilité*, и в 128 раз больше, чем *improbable/improbabilité*.

В испанском корпусе художественных текстов *posible/posibilidad* «возможный/возможность» встречается в 5 раз больше, чем *probable/probabilidad* «вероятный/вероятность», в 1,8 раз чаще, чем *imposible/imposibilidad* «невозможный/невозможность», и в 60 раз больше, чем *improbable/improbabilidad* «невероятный/невероятность». В документальных текстах основа *posible/posibilidad* встречается в 7 раз больше, чем *probable/probabilidad*, в 3 раза чаще, чем *imposible/imposibilidad*, и в 151 раз больше, чем *improbable/improbabilidad*.

В итальянском корпусе художественных текстов *possibile/possibilità* «возможный/возможность» встречается в 3 раза больше, чем *probabile/probabilità* «вероятный/вероятность», в 2 раза чаще, чем *impossibile/impossibilità* «невозможный/невозможность», и в 65 раз больше, чем *improbabile/improbabilità* «невероятный/невероятность». В документальных текстах основа *possibile/possibilità* встречается в 3,7 раза больше, чем

probabile/probabilità, в 3,3 раза чаще, чем *impossibile/impossibilità*, и в 82 раз больше, чем *improbabile/improbabilità*.

Наконец, в латинском корпусе статистика значительно скромнее, чем в остальных. В художественных текстах *possibilis* «возможно» встречается в 2 раза чаще, чем *probabilis* «вероятно», в 3 раза чаще, чем *impossibilis* «невозможно», и в 13 раз чаще, чем *improbabilis* «невероятно». В документальных текстах основа *possibilis* встречается в 3 раза больше, чем *probabilis*, примерно столь же часто, что *impossibilis*, и в 70 раз больше, чем *improbabilis*. Такие аномалии объясняются сравнительно поздней в латиноязычной литературе модой на основы «возможный» и «невозможный», об этом см. [5, с. 11–13]. Но уже здесь видим, что доля «невероятного» в текстах незначительна.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несопоставимые объёмы обработанных текстов в различных корпусах, неполное семантическое и прагматическое соответствие выбранных «ключевых» лексических единиц в разных языках, расплывчатость критериев распределения текстов по жанрам (между художественным текстом и деловой прозой существует масса переходных случаев), – по этим и по другим причинам сделанные наблюдения обладают только *условной эвристической ценностью* и сами по себе не дают серьёзных эпистемических гарантий для широких обобщений. Тем не менее, можно констатировать, что во всех рассмотренных корпусах, кроме русского, «невероятное» является особой зоной, лежащей за пределами стандартов письменной речи как художественного, так и документального жанра. В русских художественных текстах «невероятное» употребляется несколько реже, чем другие, констатируя эмоциональный всплеск, в научных текстах менее уместный, чем в художественных.

Иначе говоря, невероятность для русского научного текста – чужеродный элемент, вполне уместный в тексте художественном. А для текстов на рассмотренных западноевропейских языках невероятность «в среднем» чужеродна во всех жанрах.

Но возможно ли знание невероятного – или оно тоже невероятно?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lehrer K.* Theory of knowledge. London : Routledge, 1990. 224 p.
2. *Lyons J.* Semantics. Cambridge : Cambridge University Press, 1977.
3. *Демьянков В. З.* О вечной ценности идей в сиюминутных воплощениях // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 25–39. DOI: 10.25205/2307-1737-2021-1-25-39. EDN: JVKRDХ.
4. *Луков Вал. А.* Тезаурусный подход: исходные положения / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение : [сайт]. 2008. № 9. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/> (дата обращения: 31.08.2022).

5. Демьянков В. З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-5-17. EDN: QQQQDO.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022.

Одобрена после рецензирования 31.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Демьянков Валерий Закиевич *vdemiank@mail.ru*

Профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, руководитель Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
AuthorID РИНЦ: 1290

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.15

ON EPISTEMIC WARRANT IN TEXT

Valery Z. Demyankov¹

¹Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Abstract. Linguistic techniques used for formulating and for proving propositions in arts and in sciences do not solely depend on grammatical and lexical structures of national languages, they also belong to certain cultural traditions. Interpersonal relationships also influence the form and the content of scientific texts, they are governed by ethical principles of scholarly communication. The notion of ‘epistemic warrant of judgments’ used metaphorically gives a culture-dependent way for looking at the real-time processes of conjectures and refutations, where ‘epistemic default’ is not excluded. The logical ‘possibility’ and ‘probability’ themselves may be considered as culture-dependent, so that the possible-world pragmatics acquires a civilisational aspect. Empirical facts concerning relative frequencies of the use of certain lexical items are discussed in this paper. Thus, possibility is much more frequently mentioned in both scientific and in fictional text corpora in Latin, in French, in Spanish, in Italian, in English, in German, and in Russian. The concept of ‘improbability’ is much less frequent than ‘probability’.

Keywords: scientific language, knowledge reification, epistemic warrant of judgment, epistemic default, possibility, probability

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 19–18–00429 (sections 2 and 3) and project No. 19–18–00040 (section 4). I am grateful to my anonymous reviewers whose advice I have tried to follow in the final version of this text.

For citation: Demyankov, V. Z. (2022). On Epistemic Warrant in Text. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 3. P. 218–228. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.15. EDN: NYZSXT

REFERENCES

1. Lehrer, K. (1990). *Theory of knowledge*. London: Routledge, 1990.
2. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
3. Demyankov, V. Z. (2021). On Eternal Value of Ideas in Their Momentary Actuality. *Critique & Semiotics*. No. 1. P. 25–39. DOI: 10.25205/2307-1737-2021-1-25-39 (In Russ.).
4. Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2008). The Thesaurus Approach: The Starting Points. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 9. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/> (accessed 31.08.2022). (In Russ.).
5. Demyankov, V. Z. (2020). On Linguistic Techniques of Adapting Opinions. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 4. P. 5–17. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-5-17 (In Russ.).

The article was submitted on 01.08.2022.

Approved after reviewing 31.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demyankov Valery vdemiank@mail.ru

Professor, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Head of Centre for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 1290